

Таким образом, материал древнеармянского языка подтверждает тезис о возможности наличия эргативной конструкции в системе индоевропейских языков.

Вопрос о генезисе и месте эргативной конструкции в грабаре является предметом особого исследования. Здесь можно предполагать наличие субстратных явлений, либо объяснить конвергентностью развития. Мы склонны думать, что главной предпосылкой, стимулирующей формирование эргативной конструкции в грабаре, явилась нейтральность глагольной основы в залоговом отношении и необходимость дифференцировать активно-переходное действие от пассивного. Эта нейтральность у переходных глаголов в сфере прошедших времен устраняется при помощи постановки субъекта действия в форме родительного падежа, благодаря чему субъект активного действия дифференцируется от субъекта, который сам подвергается действию.

Г. Ворошил

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ ЗАМЕНЫ ЭРГАТИВНОГО ПАДЕЖА ПРИ ПЕРЕХОДНОМ ГЛАГОЛЕ ИМЕНИТЕЛЬНЫМ В НИДЖСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДИНСКОГО ЯЗЫКА

В бесписьменных языках, в отличие от письменных, судьба синтаксических конструкций предложения тесно связана с речью говорящего. Примером может служить удинский язык, контактирующий веками со старописьменным азербайджанским языком. Контакты удинского и азербайджанского всегда осуществлялись и осуществляются через посредство разговорной речи удинов и тюрков-азербайджанцев. Поэтому двуязычные удины чаще всего вносили в свою речь различные коррективы, чтобы их легче и лучше понимали собеседники — представители контактирующего — влияющего языка. Вследствие этого началось разрушение системы родного удинского языка. Как отмечает А. П. Дульзон: «Процесс разрушения системы родного языка наступает тогда, когда навык в использовании чужого языка будет сильнее навыка использования родного языка. Можно было бы сказать, что это момент, когда чужой язык становится родным. Такие двуязычные люди вносят различные изменения в свой родной язык»¹.

Сказанное всецело относится к мирзабейлинскому говору² ниджского диалекта удинского языка. В этом говоре почти все специфические фонемы удинского языка сошли на нет: ныне отсутствуют в нем спиранты «жІ» и «шІ», аффрикаты «джІ», «чъ», «ч'», «ц'» и «дз»; фарингальные «къ», «хъ»; деградировали фарингализованные гласные «аъ», «еъ», «иъ», «оъ», «уъ», абруптивы «кІ», «пІ», «тІ», «цІ» и т. д.

Процессы эти тесно связаны с почти завершившимися у удин селения Мирзабейли односторонним полным двуязычием, вследствие чего началось разрушение фонетической и фонологической системы удинского языка. В связи с этим удинская речь в данном говоре строится уже в соответствии с нормами азербайджанского языка, в нее вносятся различные изменения. В результате в говоре началась деградация исконных синтаксических конструкций, особенно эргативной.

¹ См.: А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, Изд-во Томского университета, 1968, стр. 24.

² Г. Ворошил. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка (см. Автореферат, Баку, 1965).

Как известно, в удинском языке среди основных падежей эргативный занимает место прямого падежа как по функции, так и по образованию. По функции эргативный падеж равен именительному падежу (оба они выражают субъект), а по форме: если при образовании других падежей в одном случае исходным является именительный падеж (т. е. падеж с чистой основой), то в другом случае исходным является основа, стоящая в эргативном падеже.

При эргативной конструкции в удинском языке предложение состоит из подлежащего, выраженного именем, стоящим в именительном падеже, и сказуемого, выраженного переходным глаголом. Таким образом, предложение в эргативной конструкции в удинском языке является личным и трехчленным: переходный глагол + реальный субъект в эргативном падеже + так называемый «прямой» объект в именительном падеже. См. напр.: *Бабан ушле клацле* «отец дрова колет»; *нанан чуре чахе* «мать корову доит»; *хунчен палтаре оцклес* «сестра одежду стирает»; *вичен оне цапе* «брат косит сено» и т. д.

Хотя эргативная конструкция не характерна для синтаксиса азербайджанского языка, однако и в нем наличествует трехчленная синтагма (см., напр.: *ата одун дограјыр* «отец дрова колет»; *ана инэк сагыр* «мать корову доит»; *бачы палтар јујур* «сестра одежду стирает»; *гардаш от чалыр* «брат сено косит» и т. д.). Подобные формальные совпадения между синтаксическими конструкциями предложений в азербайджанском и удинском языках могут послужить (при наличии дополнительных внутренних факторов) поводом для влияния (точнее, интерференции) азербайджанского на синтаксические конструкции удинского.

Это нашло свое отражение прежде всего в эргативной конструкции, с которой связано и наличие в удинском языке одного из основных падежей — эргативного падежа.

Процесс деградации эргативной конструкции предложения в удинском языке начался давно. На этот факт обратили внимание еще первые исследователи удинского языка. Например, А. М. Дирр в 1910 году в своей работе «Лингвистические проблемы в этнологическом, антропологическом и географическом освещении» высказал мнение о том, что деградация эргативной конструкции предложения в удинском языке обусловлена воздействием армянского и азербайджанского языков³.

А. М. Дирр подметил зачатки деградации эргативной конструкции в основном в варташенском диалекте. Однако она ярче всего проявляется в мирзабейлинском говоре ниджского диа-

лекта. Здесь при переходных глаголах эргативный падеж исчез и заменен именительным падежом. Заодно выпал и формант эргативного падежа -н (-ен, -ин-он). См. напр.: *баба ушле клацле* (вм. *бабан*) «Отец дрова колет»; *нанан шлуме бастла* (вм. *нанан*) «мать хлеб печет»; *хунчи чуре чахе* (вм. *хунчен*) «сестра корову доит»; *вичи оне цапе* (вм. *вичен*) «брат сено косит»; *зу, Никлалай, клоджзу бикъса* (вм. *Никлалайен*) «я, Николай, строю дом» и т. д.

Таким образом, в отличие от других говоров и подговоров ниджского диалекта, в мирзабейлинском говоре реальный субъект как при непереходных, так и при переходных глаголах стоит в именительном падеже. В связи с этим аффикс эргативного падежа утерян и в глаголах чувственного восприятия⁴. Сравните напр.: *амдар пулмугъон атлуклса* (вм. *амдарен*) «человек глазами видит»; *шотло Ікеле маъгъурухе ава* (вм. *шотлин*) «он много песен знает»; *айел улахун къиънебса* (вм. *айлен*) «малыш волка боится»; *калба иъжеъна нинебса* (вм. *калбан*), «дед зимой зябнет»; *Полад чуреса тле хуъаврах* (вм. *Поладан*) «Полад любит эту девушку» и т. д.

Аффикс эргативного падежа в мирзабейлинском говоре утрачен во всех временах и наклонениях. См., напр.: *амдар гъарене* «человек пришел» — *амдар бене* «человек сделал» вм. *амдар гъарене*, но *амдарен бене*; или: *амдархо гъаретлун* «люди пришли» — *амдархо бетлун* «люди сделали», вм. *амдархо гъаретлун*, но *амдархон бетлун* и т. д.

В мирзабейлинском говоре мы имеем уже эквивалент азербайджанского трехчленного предложения с номинативно-аккузативной конструкцией (срв. азерб. -удин: *адам кэлиб* — *амдар гъарене* «человек пришел», *адам едиб* — *амдар бене* «человек сделал» и т. д.). Соответственно в удинском языке появились зачатки аккузатива. Многие удины (напр., почти все удины с. Мирзабейли, часть удинов Ниджа и Варташена) во многих случаях, думая на азербайджанском языке, говорят по-удински, вследствие чего в удинском языке создаются синтаксические конструкции предложения азербайджанского языка. Номинативная, генитивная и дативная конструкции удинского и азербайджанского языков имеют формальные соответствия: в обоих языках номинативный падеж не принимает окончания, родительный падеж в удинском языке имеет окончания -н (-ин, -ун, -ын...), -най//-ай, а в азербайджанском -н (-ин, -ун, -ын); дательный падеж в удинском языке имеет окончания -ах//-а, а в азербайджанском -а//-э, -йа//-йэ. Срв. (удин.-азерб.): *коджин*

⁴ В ниджском диалекте в глаголах чувственного восприятия эргативный падеж — единственная форма реального субъекта, хотя в верхних подговорах в I и II лице един. числа, подобно варташенскому диалекту, мы имеем личные показатели в дательном падеже, а у личных местоимений — в именительно-эргативном падеже.

³ См.: А. Дирр. *Linguistische Probleme in ethnologischer, anthropologischer und geographischer Beleuchtung*, Wien, 1910. Sonderabdruck aus Bd. XL. (der dritten Folge Bd. X) der «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien».

к'лонджух — *евин јијэси* «хозяин дома»; *охъа nlanlcун чайа чатмаг* «дойти до речки» и т. д.

Видимо, вследствие подобных формальных соответствий, указанные конструкции удинского синтаксиса не подвергались заметным изменениям, ибо в этом не было нужды. Наличие аккузативной конструкции, а заодно и аккузативного падежа в азербайджанском осложняло положение двуязычных удин в передаче понятия деятельности субъекта, В языках с эргативной конструкцией обычно отсутствует аккузативная конструкция. Именно поэтому влияние азербайджанского синтаксиса на эргативную конструкцию предложения в удинском языке стало ощутимым.

В отдельных случаях функция этого, еще не совсем дифференцированного винительного падежа совпадает с функцией дательного падежа удинского языка, как это имеет место и в азербайджанском языке. Срв. (азерб.-удин.) *романы охудум* — *романах к'алзупи* «(я) прочел роман»; *утуну гыздырдым* — *утуьнаьх гамзуди* «(я) нагрел уют»; *шэһэри кэздим* — *шаьгъабраьх таразупи* «(я) обошел город» и т. д.

В связи с этим предполагалось, что в удинском языке, в отличие от всех горских кавказских языков, наряду с эргативным, наличествует и винительный падеж. А. А. Шифнер назвал его аффективным падежом, имеющим окончание -х. Однако он, вопреки своему же мнению, отмечает, что аффективный падеж образуется следующим образом: «*usax*» от «*us*» (бык), «*adamaçax*» от «*adamaç*» (человек), «*daçax*», от «*daç*», (сын), «*wiçax*» от «*wiçi*» (брат)...⁵. Отсюда явствует, что окончанием данного падежа является -ах, а не -х.

По мнению Фр. Мюллера, аффикс -ах// -х в удинском является формантом аккузативного падежа, сходного с аккузативом индоевропейских языков⁶. Данное предположение было развито Р. Эркертом. Он тоже отметил, что -х является окончанием аккузатива (...Der Accusativ hat die Endung x) и привел такие примеры: вавах *sixar-kes-ne-de ekh-en* «отца спас конь», вава-п *tha-ne-de vic-ax thanga* «отец дал брату деньги»⁷ и т. д. Как видно из примеров, и Р. Эркерт выделил фактически -ах, а не -х.

Гюго Шухардт, возражая Фр. Мюллеру и Р. Эркерту, на основе ими же приведенных примеров из удинского языка, по-

⁵ См.: А. А. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden... «Mémoires de l'Académie Imperiale de Sciences de St.-Petersbourg, VII-e serie, Tome VI, № 8», СПб., 1863, стр. 17, § 52.

⁶ См.: Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft, III, 2, Wein, 1885, SS. 135—158.

⁷ См.: R. von Erckert. Die Sprachen des kaukasischen Stammes, Wien, 1895, II Theil, SS. 60—67.

казал, что в удинском нет аккузатива, а есть аффектив с окончанием -х, как предполагал еще А. А. Шифнер⁸.

О наличии винительного падежа в удинском языке более подробно писал А. А. Мнацаканян в своей «Грамматике удинского языка». А. А. Мнацаканян, удин из Варташена, исследовал удинский язык, исходя из структуры армянского языка. Поэтому эргативный падеж у него отмечен как «инструментальный» (*gogciakan*), который в армянском языке имеет совершенно другую грамматическую функцию. Четвертый падеж им назван «винительным» (*hausakap*) с падежным окончанием -х⁹.

Вслед за А. А. Мнацаканяном А. М. Дирр¹⁰ тоже полагал, что в удинском языке «прямое дополнение действительного глагола ставится в винительном падеже, даже в тех случаях, когда подлежащее в Instructivus»¹¹.

В. Н. Панчвидзе, специально исследуя т. н. аккузатив в удинском языке, заключил, что «синтаксически этот падеж выявляет одинаковые функции с дательным падежом: оба падежа употребляются для передачи как прямого, так и косвенного дополнения...

Исходя из вышеприведенных данных, можно предполагать, что эта форма является вариантом дательного падежа, с полным падежным окончанием (ах>а)¹² (так предполагал еще Г. Шухардт). Однако В. Н. Панчвидзе счел нужным все же выделить самостоятельный падеж, называя его «дательным II»¹³.

Хотя научный спор о наличии или отсутствии аккузатива в удинском языке продлился многие десятилетия, о генезисе его никто конкретно и не высказывался. Фр. Мюллер попутно отметил, что он, может быть, возник под влиянием тюркских языков (*Sprachform tatarischen* — стр. 139); Г. А. Климов, говоря об арменизмах в удинском языке, отметил, что наличие единого дательно-винительного падежа в удинском, функционально близкого армянскому дательно-винительному падежу, можно считать арменизмом¹⁴. Подобный намек со ссылкой на

⁸ См.: Hugo Schuchardt. Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen. Wien, 1895, SS. 30—34.

⁹ См.: А. А. Мнацаканян. Грамматика удинского языка (на арм. яз.). Архив Ленинградского отделения АН СССР, ф. 800, оп. 6, № 668, Варташен — Тифлис, 1895—1915. Данная рукопись, находящаяся с 1926 г. в архиве, после долгих поисков в 1969 г. нами обнаружена и описана.

¹⁰ А. М. Дирр широко пользовался трудом А. А. Мнацаканяна.

¹¹ См.: А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903, стр. 17.

¹² См.: В. Н. Панчвидзе. К вопросу о генезисе аккузатива в удинском языке. — ИЯИМК, Груз. ф. АН СССР, Тбилиси, 1940, т. V—VII (резюме на русск. яз.), стр. 151.

¹³ См.: В. Н. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1949, стр. 9—10.

¹⁴ См.: Г. А. Климов. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. — «Вопросы языкознания», 1967, № 3, стр. 80.

Согомуняна имеется также у А. М. Дирра. Об этом сказано и в «Грамматике удинского языка» А. А. Мнацаканяна.

Однако, названные исследователи не обратили внимания на то, что винительный падеж (*hausakan holov*) армянского языка при склонении лиц сходен с дательным, а при склонении названий неодушевленных предметов — с именительным падежом. Срв.: *Марон верцрец йерехайин* «Маро взяла ребенка»; но: *Марон верцрец гирхы* «Маро взяла книгу».

Дело в том, что специалисты не обратили внимания на следующее:

1) В удинском языке «один и тот же глагол может иметь значение как переходного, так и непереходного глагола; срв., например: *zom-pe-baksa* «учится», «привыкает», «тренируется»/*zom-pe-baksa däs//däsnu[x]* «выучивает, делает, готовит урок»... Такой характер глагола обусловлен отсутствием системы морфологической категории залога. Но, наряду с этим, в удинском языке наличны некоторые способы выражения этой категории... В удинском языке зарождение залоговой категории началось раньше, чем, скажем, в таких генетически близких языках, как цахский, мухадский (рутульски) и др., в которых она (категория залога) не пошла дальше аналитического (лексического) образования¹⁵.

Таким образом, в удинском языке налично сразу два внутренних фактора: а) один и тот же глагол может иметь значение как переходного, так и непереходного; б) в морфологической системе удинского языка зарождалась категория залога, чуждая горским кавказским языкам, но характерная для тюркских языков.

2) В азербайджанском языке винительный падеж хотя и является падежом прямого дополнения при переходном глаголе, но иногда встречается и при непереходных глаголах; причем имя в винительном падеже обозначает в таких случаях полный охват места и времени¹⁶. Срв., напр. (азерб.-удин.): *цечэни — кундузу ишлэдим — уьше — гьена аьшзуби* «день и ночь трудился я», *шэһэри кэздим — шаьгьабраьх таразупи* «обошел я город» *дэрсини ојрэнир — зомне бакса даьснух* «выучивает урок» и т. д.

Как видно, для возникновения аккузатива в удинском языке наличествовал и внешний фактор — **интенсивное влияние азербайджанского языка**. Зачатки аккузатива наблюдаются в ниджском диалекте (особенно в мирзабейлинском говоре) удинского языка, но не в виде дифференцированного падежа. Его функцию

в переходных глаголах в основном выполняет дательный падеж (в мирзабейлинском говоре — именительный), а в непереходных глаголах иногда и в переходных) — именительный. Поэтому, хотя в мирзабейлинском говоре эргатив уже заменен номинативом, но налично и зарождение аккузатива. Можно допустить а priori, что замена эргатива номинативом и зарождение аккузатива в ниджском диалекте (особенно в мирзабейлинском говоре) началось в последних веках. Хотя мы не располагаем опубликованными удинскими текстами, относящимися к XVIII и предыдущим векам, но в рукописи «Начальные основания грамматики на агванском языке», писанной армянскими буквами, еще не отмечен винительный падеж. Автор этой рукописи (по всей вероятности, удин, живший в последней четверти XVIII в. и начале XIX в.), при сопоставлении падежей армянского языка с удинским, перед армянским «*hausakan holov*» (винительный падеж) поставил тире¹⁷.

Отсюда явствует, что еще в начале XIX в. указанные процессы находились в зачаточном состоянии, почему и не были замечены автором первой грамматики удинского языка. Затем, в связи с усилением влияния азербайджанского языка на удинский и завершением одностороннего полного двуязычия в мирзабейлинском и ряде других говоров ниджского диалекта эргативная конструкция предложения, чуждая азербайджанскому языку, в них заменилась конструкцией с именительным. Вместе с тем появились и зачатки аккузатива, остававшегося до сих пор в зачаточном состоянии. Данный падеж не имеет никакого отношения к т. н. аккузативу или аффективу, в противовес утверждениям вышеназванных исследователей. Как отметил Е. Ф. Джейранишвили, аффикс **-ax** является полным окончанием дательного падежа в удинском языке¹⁸, это видно даже из приведенных примеров А. А. Шифнера, Р. Эркерта, А. М. Дирра и др. Но он в последних столетиях (по-видимому, в XIX—XX вв.) удиными часто употребляется в усеченной форме. Даже один и тот же удин в беседе может употребить как полную форму, так и усеченную, подобно: *ке усах//уса таша беш кюйа* «Того вола отвези к нам домой»; *Ме таьнкинах//таьнкина ви баба тада* «Эти деньги передай твоему отцу» и т. д.

Все симптомы зачаточного аккузатива в мирзабейлинском говоре показывают, что он в будущем (когда будет формулироваться как дифференцированный падеж) ничем не будет отличаться от аккузатива азербайджанского языка. Это тем более

¹⁵ См.: Е. Ф. Джейранишвили. Удийский язык. Грамматика, хрестоматия, словарь (резюме на русск. яз.). Тбилиси, 1971, стр. 303—304.

¹⁶ См. Грамматика азербайджанского языка. Баку, Изд-во «Элм», 1971, стр. 45.

¹⁷ См. «Начальные основания грамматики на агванском языке, писанной армянскими буквами». Рукопись рукописного фонда Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, С-7, (Ачм. — 77), инв. 1934, № 43, СПб, 7 марта 1842 года, лист 1, стр. 2.

¹⁸ См.: Е. Ф. Джейранишвили. Удийский язык, стр. 283.

верно, что влияние азербайджанского языка на удинский и без того интенсивное, из года в год усиливается. В результате удинский язык постепенно теряет свои специфические особенности. Как отметил Р. Шаумян, уменьшение количества падежей и возникновение винительного падежа показывает, что «удинский язык находится в переходной ступени от агглютинирующих яфетических языков в сторону системы тюркских языков»¹⁹.

¹⁹ См.: Р. Шаумян. *Armeniaca-Lesgica* (Армяно-лезгинские лексико-морфологические параллели). Академия наук СССР. XLV. Академику Н. Я. Марру. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1935, стр. 426.

А. М. Асланов

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МОДЕЛЬ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАКАТАЛЬСКИХ ДИАЛЕКТАХ АВАРСКОГО И ЦАХУРСКОГО ЯЗЫКОВ

Как известно, языковые контакты способствуют возникновению типологических тождеств в разносистемных языках.

По-видимому, сложная мысль, а следовательно, и сложное предложение, в языке — явление позднего образования; и то, и другое тесно связано с развитием письменной речи. Наблюдения над устной речью носителей бесписьменных языков показывают, что в разговоре, особенно в среде старшего поколения, почти отсутствуют сложные предложения. Единицы, наличествующие в диалектах и внешне кажущиеся сложными предложениями, представляют собой просто открытые ряды последовательного развития действия и не связаны единой интонацией и смысловой целостностью¹. Развитая и совершенная система сложного предложения, которая присуща языкам с древними письменными традициями, отсутствует в младописьменных и бесписьменных языках.

Известно, что иберийско-кавказские и тюркские языки характеризуются слабым развитием сложноподчиненных предложений. Индоевропейским сложноподчиненным предложениям в этих языках соответствуют особые причастные и деепричастные конструкции². И наоборот, богатая система деепричастных, причастных и масдарных оборотов, которая присуща иберийско-кавказским, тюркским языкам, не нашла широкого развития в индоевропейских языках.

Наблюдения над языковыми контактами дают основание полагать, что сложноподчиненные предложения в языке являются одним из слабых звеньев синтаксиса к иноязычному влиянию. «Синтаксис древних финно-угорских языков, — пишет Б. А. Серебренников, — был очень похож на синтаксис тюркских языков. В нем очень слабо были развиты придаточные предложения, их функции выполняли причастные конструкции и абсолютные

¹ См.: В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 424.

² Е. Бокарев и Г. А. Климов. Иберийско-кавказские языки. — «Языки народов СССР», т. IV, М., 1967, стр. 11 (Далее ЯН ИКЯ); Н. А. Баскаков. Тюркские языки. — «Языки народов СССР», т. II, М., 1966, стр. 14 (Далее ЯН ТЯ).